

ПОЛЕ ПОЛИТИКИ: МОДЕЛИ КАРЬЕР РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ

И. А. Лавров^а, О. В. Крыштановская^а

^а Российский государственный гуманитарный университет
(Москва, Россия)

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена комплексному исследованию феномена профессионализации политики в современной России. Центральной проблемой работы является вопрос о природе политического профессионализма: что составляет его сущность и как предшествующий профессиональный опыт элиты определяет текущую государственную политику, формируя специфические компетенции и габитусы управленцев.

Материалы и методы. Методологической основой исследования является количественный анализ карьерных траекторий политических акторов. Эмпирическую базу составили формализованные биографические данные 800 представителей российской политической элиты федерального, регионального и муниципального уровней (по состоянию на 2020 год).

Результаты. На основе ретроспективного анализа профессиональных траекторий концептуализированы четыре идеально-типические модели вхождения в политику. Политика как «мета-профессия»: траектория экспертов, достигших вершины карьеры в своей сфере и переходящих в политику для применения опыта на макроуровне. Политика как «анти-профессия»: путь лиц, прервавших восходящую мобильность в иной сфере и использующих политику как альтернативный канал социального продвижения. Политика как «квази-профессия»: модель, позволяющая совмещать политическую деятельность со своей базовой профессией. Политика как базовая профессия: карьера «системных кадров» – бюрократов, чья карьера целиком сформирована внутри государственного аппарата.

Обсуждение. Результаты свидетельствуют о полиморфизме политики как профессионального поля, включающего принципиально разных агентов с уникальными источниками капитала и легитимности. Выявленный тренд на увеличение доли «карьерных бюрократов» в исполнительных органах, с одной стороны, обеспечивает операциональную эффективность и управляемость, но с другой – обостряет проблему легитимации. Общественность скептически воспринимает компетентность чиновников, не имеющих подтвержденного практического опыта в управляемой отрасли, что создает «легитимационный разрыв». Для устойчивости политической системы необходимы механизмы повышения прозрачности процедур отбора и публичной верификации компетенций «системных управленцев», а также гармонизация системной эффективности с общественным доверием.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Политическая элита, карьерные траектории, профессиональный габитус, социальная мобильность, легитимность, бюрократия, электократия.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Лавров И. А., Крыштановская О. В. Поле политики: модели карьер российской элиты // Вопросы управления. 2025. Т. 19, № 4. С. 5–17. EDN FFRFXX.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лавров Иван Андреевич – кандидат социологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6) – *старший научный сотрудник Научного центра цифровой социологии «Ядов-центр»*; lavrov.sociology@gmail.com. SPIN 7078-1189, ORCID 0000-0002-3567-4502, Scopus ID 57554381900, ResearcherID ACU-0617-2022.

Крыштановская Ольга Викторовна – доктор социологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6) – *директор Научного центра цифровой социологии «Ядов-центр»*; olgakryshat@yandex.ru. SPIN 5881-9789, ORCID 0000-0001-5278-0940, Scopus ID 7801579339, ResearcherID GLQ-7604-2022.

© И. А. Лавров, О. В. Крыштановская

Open Access This article is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License, which permits use, sharing, adaptation, distribution and reproduction in any medium or format, as long as you give appropriate credit to the original author(s) and the source, provide a link to the Creative Commons license, and indicate if changes were made.

ВКЛАД АВТОРОВ

Все авторы участвовали в разработке концепции исследования, сборе, обработке и анализе данных, написании текста рукописи, формулировке выводов.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании данной статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Статья поступила 20.08.2025; рецензия получена 22.10.2025; принята к публикации 30.10.2025.

RESEARCH ARTICLE

THE POLITICS FIELD: THE RUSSIAN ELITE CAREER MODELS

I. A. Lavrov ^a, O. V. Kryshchanovskaya ^a

^a Russian State University for the Humanities
(Moscow, Russia)

ABSTRACT

Introduction. This article provides a comprehensive study of the phenomenon of political professionalization in contemporary Russia. The central issue of the study is the nature of political professionalism: what constitutes its essence and how the elite's prior professional experience shapes the current public policy, forming the specific competencies and habits of managers.

Materials and methods. The methodological basis of the study is a quantitative analysis of the career trajectories of political actors. The empirical base consisted of formalized biographical data of 800 representatives of the Russian political elite at the federal, regional, and municipal levels (as of 2020).

Results. Based on a retrospective analysis of professional trajectories, four ideal-typical models of entry into politics are conceptualized: Politics as a «meta-profession»: the trajectory of experts who have reached the pinnacle of their careers and are moving into politics to apply their experience at the macro level. Politics as an «anti-profession»: the path of individuals who interrupted their upward mobility in another field and use politics as an alternative channel for social advancement. Politics as a «quasi-profession»: a model that allows combining political activity with one's core profession. Politics as a «core profession»: the careers of «systemic cadres» – bureaucrats whose careers are entirely shaped within the state apparatus.

Discussion. The results demonstrate the polymorphism of politics as a professional field, encompassing fundamentally different agents with unique sources of capital and legitimacy. The identified trend toward an increasing share of «career bureaucrats» in executive bodies, on the one hand, ensures operational efficiency and manageability, but on the other, aggravates the problem of legitimacy. The public is skeptical of the competence of officials without proven practical experience in the governed sector, creating a «legitimation gap». To maintain stability of the political system, mechanisms are needed to increase the transparency of selection procedures and public verification of the competencies of «system managers», as well as to harmonize systemic efficiency with the public trust.

KEYWORDS

Political elite, career trajectories, professional habitus, social mobility, legitimacy, bureaucracy, electocracy.

FOR CITATION

Lavrov, I. A., Kryshchanovskaya, O. V. (2025) The politics field: the Russian elite career models. *Management Issues*, 19 (4), 5–17. <https://elibrary.ru/frfxx>.

AUTHORS INFORMATION

Ivan A. Lavrov – Candidate of Sociological Sciences, Russian State University for the Humanities (125993, Russia, Moscow, Miusskaya sq., 6) – *Senior Researcher at Scientific Center of Digital Sociology «Yadov-Center»*; lavrov.sociology@gmail.com. SPIN 7078-1189, ORCID 0000-0002-3567-4502, Scopus ID 57554381900, ResearcherID ACU-0617-2022.

Olga V. Kryshchanovskaya – Doctor of Sociology, Russian State University for the Humanities (125993, Russia, Moscow, Miusskaya sq., 6) – *Director of the Scientific Center of Digital Sociology «Yadov-center»*; olgakrysh@yandex.ru. SPIN 5881-9789, ORCID 0000-0001-5278-0940, Scopus ID 7801579339, ResearcherID GLQ-7604-2022.

AUTHORS' CONTRIBUTION

All the authors participated in the research concept development, data collection, processing and analysis, manuscript text writing and conclusions formulation.

CONFLICT OF INTEREST

The authors declare interest conflict lack.

USE OF AI TOOLS DECLARATION

The author declares that he has not used Artificial Intelligence (AI) tools to write this article.

The article was submitted 20.08.2025; reviewed 22.10.2025; accepted for publication 30.10.2025.

■ ВВЕДЕНИЕ

Идея о том, что государством должны управлять профессионалы, на первый взгляд кажется неоспоримой истиной. Никто не станет спорить с тем, что работа, связанная с государственным управлением, требует высочайшей квалификации. Это кажется столь же очевидным, сколь необходимость опытного хирурга для проведения операции или профессионального пилота для управления самолетом. Однако именно эта кажущаяся очевидность и таит в себе главную ловушку: а что, собственно, означает «профессионализм» в контексте политики¹?

Политика радикально отличается от традиционных профессий. Проблема определения «профессионала» здесь становится ключевой и совсем неоднозначной. Является ли избранный депутат «профессионалом» просто потому, что он уже имел опыт работы народным избранником в предыдущей каденции или в другом парламенте? А для министра достаточно ли иметь предшествующий опыт работы в исполнительной власти? Или необходимо обладать дипломом юриста, экономиста или инженера? А потом пройти многочисленные повышения квалификации и профессиональные переподготовки? А по какой специальности требуется высшее образование для министра культуры? Нужен ли успех в «до политической» карьере, например, в бизнесе, науке или образовании? Какой бэкграунд оптимален для конкретной должности? Здесь кроется корень многих управленческих проблем. Человек с блестящим опытом управления заводом может быть незаменим для министерства промышленности, глубоко понимая производственные процессы. Но тот же человек может быть совершенно не готов к тонкостям бюджетного планирования, налогового администрирования, межведомственной координации или публичной политической дискуссии. Профессионализм в одном деле не гарантирует профессионализма в другом, даже если оба относятся к управлению одной общественно значимой сферой.

Возникает фундаментальный вопрос: в каких навыках должен быть «профессионален» политик? И как осуществить подготовку к этой карьере? Куда направиться молодому человеку, имеющему желание служить стране и работать в государственных структурах? Или этот путь определяется не институтами подготовки, а хаотичной волей случая, личными связями и обстоятельствами, на которые сам человек имеет лишь ограниченное влияние?

Исторический пример «профессиональных революционеров» (как их описывали, например, в учебниках по истории КПСС) лишь подчеркивает эту двойственность. Под профессией в этот период понималось не формальное образование, а полная вовлеченность в деятельность, ставшую основным источником существования. Аналогично, «профессиональный политик» сегодня – это чаще всего человек, для которого политика является постоянным источником дохода, а не специфическим набором сертифицированных компетенций. Но разве этого достаточно для эффективного управления государством? Должна ли политика быть просто «работой», или она требует особого рода «профессионализма»? Именно на этих вопросах мы сосредоточим внимание в этой статье: какой предшествующий опыт можно и нужно считать атрибутом профессионализма в политике? Одинаков ли этот опыт для различных уровней и ветвей власти? И как обстоит дело с представленностью различных профессиональных групп в российской политической элите сегодня?

Эти вопросы – не просто академические упражнения. От того, как общество и сама система власти определяют релевантный и приемлемый профессиональный бэкграунд для элиты, напрямую зависят как характер и качество государственной политики, так и легитимность правящего класса в целом, ведь общество хочет видеть «у руля» лучших. Но лучших в чем? Эти фундаментальные вопросы, определяющие самую суть власти и ее эффективности, занимают незаслуженно

¹ В данной статье термин «политик» применяется для обозначения лиц, действующих внутри политической системы Российской Федерации и, как правило, занимающих должности в исполнительной и законодательной ветвях власти. В этом контексте понятие «политик» употребляется в узком смысле. При таком подходе политики подразделяются на две категории: избранные представители (электоратия, включая депутатов и сенаторов) и назначенные должностные лица (бюрократия, в частности государственные служащие).

скромное место не только в публичной дискуссии, но и в современных политологических и социологических исследованиях. Понимание того, кто и почему приходит к власти, с каким багажом, и как это влияет на судьбы миллионов, остается одной из самых насущных и недостаточно изученных тем. Переосмысление понятия «профессионализм» в политике – это не просто теоретизирование, это ключ к пониманию и, возможно, улучшению механизмов управления обществом.

■ КОНЦЕПЦИИ И ПОДХОДЫ

Размышления о природе власти и образе идеального правителя сопровождают человечество с момента зарождения государственности. Великие умы предлагали множество своих моделей, начиная с Платона, который видел во главе государства философов-аристократов, обладающих врожденной мудростью и знатностью².

XIX век во многом перевернул представления о власти. Карл Маркс заключил, что капитал, а не добродетель, знатность или профессионализм определяет место у руля, а истинный водораздел проходит между собственниками средств производства и теми, у кого есть лишь их рабочая сила³. Впоследствии Макс Вебер бросил вызов экономическому детерминизму Маркса. Он доказал, что стратификация многомерна: помимо классов, основанных на экономическом положении, существуют сословия (статус, определяемый стилем жизни) и партии (целевые группы, борющиеся за власть). Вебер совершил прорыв: он впервые заговорил о политике как профессии, основанной на легитимном господстве и требующей особых компетенций⁴. Питирим Сорокин развивал эти идеи, указывая, что ключ к власти – профессии, связанные с управлением, экономической организацией и социальным контролем. Именно профессиональные структуры, по Сорокину, служат главными «ситами» для отбора в элиту⁵. Современные исследователи показали, что в мире модерна с его гиперспециализацией профессиональные группы зачастую важнее абстрактных «больших классов» Маркса. Профессиональный опыт – это «рассадник социальных различий», который формирует так называемые микроклассы [1]. Например, сообщества IT-разработчиков, врачей узких специальностей или финансовых аналитиков формируют свои субкультуры и траектории влияния, часто минуя традиционные классовые барьеры.

Во многом это связано с тем, что Пьер Бурдьё называл «габитусом» – системой глубоко

усвоенных диспозиций, формируемых прошлым опытом и социальной средой⁶. Габитус политика, сформированный в бизнесе, армии или академии, неизбежно влияет на его стиль управления. Например, бывший генерал склонен видеть решения в терминах командной иерархии и силового давления, а выпускник экономического факультета – в терминах эффективности и баланса ресурсов. Российский исследователь В. И. Ильин конкретизировал это в концепции «профессиональной колеи», заключая, что длительная работа в одной профессии формирует профессиональный габитус, который привязывает человека к этой сфере, ограничивает мобильность и определяет его взгляды на мир [2]. Кроме этого, как отмечает Т. Б. Витковская, именно характер предшествующего профессионального опыта является важным фактором формирования сплоченных неформальных групп в органах власти [3].

В итоге понимание правящей элиты прошло путь от абстрактных идеалов к анализу политики как специфической профессии. При этом восходящая мобильность, приводящая акторов в политическую систему⁷, – это не просто карьерная лестница, а движение по «жизненной колее», где профессиональный бэкграунд оставляет отпечаток на стиле, приоритетах и самой логике принятия решений. Элита внутренне неоднородна – это конгломерат профессиональных габитусов: юристов, экономистов, врачей, деятелей культуры и т. д., вынужденных выработать новые практики в рамках системы, чьи правила также несут на себе печать «профессиональной колеи».

Сегодня мы можем констатировать факт, что уровень научного интереса к вопросам предшествующего образовательного и карьерного опыта российских государственных служащих и публичных политиков не соответствует высокой научной и практической значимости этой темы. Фундаментальный вклад в основы и принципы изучения процессов элитогенеза в России был сделан выдающимися российскими учеными О. В. Гаман-Голутвиной, А. В. Понделковым и А. М. Старостиным [4; 5]. Исследователи и сегодня вносят большой вклад в изучение отдельных сегментов российской политической системы: обособленному анализу различных ветвей и уровней власти, отдельных органов власти и регионов. Несмотря на высокий уровень этих работ, комплексных исследований, охватывающих современное состояние процессов элитообразования в России и их последствий для государства и общества,

² Платон. Государство. М.: АСТ. 2021.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. М.: Эксмо. 2023.

⁴ Вебер М. Политика как призвание и профессия. М.: Рипол-классик. 2018.

⁵ Сорокин П. А. Социальная мобильность. М.: Academia. 2003.

⁶ Бурдьё П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя. 2007.

⁷ Политическая система в контексте статьи нами определяется также в узком значении, исходя из структурно-функционального подхода. Границами политической системы в таком случае являются органы государственной и муниципальной власти, а под вхождением в систему понимается получение должности в этих институтах.

недостаточно для способствования противодействию возможным угрозам.

Одним из лидеров в изучении бассейнов рекрутации и каналов продвижения представителей российской политической элиты на сегодня является Денис Тев. Его последние работы охватывают множество секторов российской политической системы: федеральной государственной службы [6; 7], федерального парламента [8; 9], региональных и муниципальных органов власти [10; 11].

Особый акцент на процессах омоложения состава российского истеблишмента и особенностях каналов мобильности «молодых политиков» (в возрасте до 40 лет) делает в своих работах И. С. Палитай, отмечая особую роль в их карьерном продвижении политических партий и достижений в профессиональной деятельности [12; 13].

Исследованию элитобразования в регионах России посвящены работы А. С. Быстровой, которая отмечает значительный рост людей с предшествующим силовым опытом среди региональных чиновников (с 11% в 2015 г. до 30% в 2021 г.) и устойчивые позиции людей с хозяйственно-экономическим бэкграундом [14; 15]. Эту картину дополняет исследование Н. Н. Козловой, осуществившей гендерный анализ карьерных траекторий «молодых депутатов» (в возрасте до 30 лет) в региональных легислатурах. Так, для мужчин основной канал мобильности – это частный бизнес и предпринимательство (45,9% депутатов имеют такой опыт), а для женщин – работа в бюджетных организациях (29,0%) [16].

Зарубежные исследователи также активно изучают специфику формирования и рекрутинга российской политической элиты, однако в последнее время в их работах преобладает критический аспект. Ю. Хаски считает, что основным трендом элитобразования в России является доминирование карьерных траекторий внутри государственного аппарата – феномен, который он обозначает термином «*vedomstvennost'*» [17, с. 371]. Хаски подчеркивает, что уже в 2008 году около половины членов Правительства РФ представляли собой «инсайдеров» – лиц, чья профессиональная биография целиком строилась на госслужбе без какого-либо внешнего опыта. Эта закрытость, по его мнению, свидетельствует о глубоком проникновении патрон-клиентских отношений в политическую систему и указывает на крайне узкие социальные бассейны рекрутирования.

Данный тезис об ограниченности источников пополнения элиты развивает П. Ратленд. Он выделяет четыре ключевые группы, формирующие правящий класс: ближний круг президента Путина, олигархи, государственная бюрократия и силовики (*siloviki*), отмечая при этом их тесное переплетение и взаимопроникновение [18].

Возрастающей роли последних в качестве кадрового резервуара российской политической системы зарубежными аналитиками уделяется особое внимание [19; 20; 21; 22].

Так кто же сегодня формирует политический Олимп России? Какие «жизненные колеи» привели их на вершину государственного управления? Какой профессиональный габитус доминирует в коридорах власти? И как эта профессиональная ДНК правящего слоя влияет на траекторию развития страны? Ответы на эти вопросы – ключ к пониманию самой логики российской власти.

■ МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

Методологический подход исследования базируется на анализе карьерных траекторий политических акторов: мы исследуем, какие профессиональные сферы служат основными каналами восходящей мобильности в российской элите. Для верификации этой гипотезы применен количественный анализ биографий политиков, включающий системное исследование предшествующего опыта лиц, занимающих государственные должности (на 01.08.2020 г.)⁸.

В исследовании использована выборочная совокупность. При её конструировании использовался поколенческий принцип, который предусматривал исключение лиц с опытом профессиональной социализации в СССР ввиду кардинальных изменений характера социальной мобильности после 1991 г. Для исследования были отобраны политики, рожденные после 1970 г., проходившие профессионализацию уже в постсоветский период. Общий объем выборочной совокупности составил 800 чел., представляющих органы исполнительной и законодательной власти всех уровней. Отбор осуществлялся по квотному трехуровневому принципу.

1. Федеральный уровень (300 чел.):

1.1. исполнительная власть (145 чел.) – вице-премьеры, министры, руководители федеральных агентств, их заместители, высшие должностные лица АП РФ;

1.2. законодательная власть (155 чел.) – депутаты Государственной думы РФ.

2. Региональный уровень (400 чел.) с учетом стратификации по типам субъектов (отобраны 5 республик, 5 областей, 2 края, 1 автономная область и 1 автономный округ) и охватом 8 федеральных округов:

2.1. исполнительная власть (173 чел.) – главы регионов, их заместители, члены региональных правительств;

2.2. законодательная власть (227 чел.) – депутаты региональных парламентов.

3. Муниципальный уровень (100 чел.) – главы городов и муниципальных образований.

⁸ Основанный на многолетнем мониторинге политической элиты под руководством О. В. Крыштановской.

Для обработки данных все собранные из открытых источников биографии были формализованы, импортированы в базу данных MS Excel и проанализированы при помощи IBM SPSS Statistics.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ

В рамках данного исследования мы предлагаем вариант типологии российских политических акторов, основанный на ретроспективном анализе их профессиональной траектории до вхождения в политическую систему. Критерием классификации выступает статусная позиция, достигнутая индивидом в предшествующей профессиональной сфере до момента инкорпорации в институты государственной власти, что позволяет выделить четыре дискретные группы с отчетливыми характеристиками.

Группа I – профессиональные эксперты.

К этой группе мы относим индивидов, достигших вершины профессиональной иерархии в своей исходной сфере деятельности – это руководители организаций и их заместители. Их вертикальная мобильность носит непрерывный характер в рамках исходной профессии. Эти акторы приходят в политику как обладатели узкопрофильного, но высоко оцененного экспертного капитала. Они обладают сформированным профессиональным габитусом – глубоко усвоенными нормами, практиками и идентичностью, свойственной сфере, в которой развивалась карьера. Эта группа отличается высоким уровнем специфических компетенций, обширной сетью контактов – социальным капиталом. Они сохраняют профессиональную идентичность и часто выступают как «переносчики» практик и стандартов из своей профессии в государственное управление. Их профессиональная колея отчетливо выражена и достигла своего пика в конкретной сфере. Политическая деятельность для этой группы выступает в качестве *мета-профессии* (с греч. μετά – «после», «за пределами»). Политика становится пространством для применения накопленного экспертного капитала на высших позициях государственной службы или в законодательных органах власти. Например, главный врач областной больницы становится министром здравоохранения региона, а директор школы – депутатом областного парламента.

Группа II – профессионалы с прерванной карьерной траекторией. К этой группе мы относим лиц, обладающих существенным профессиональным опытом, но инкорпорированных в систему власти до достижения статусного максимума в своей первичной профессии. Сюда мы включаем как руководителей среднего звена, так и рядовых специалистов. Они обладают значимыми компетенциями и определенными социальными связями, которые позволили им совершить переход

в политику. Профессиональная колея не достигла своей потенциальной вершины. Габитус и связанная с ним идентичность сформированы частично. Политика для этой группы в меньшей степени является продолжением предыдущей деятельности, а скорее альтернативной карьерой – *анти-профессией* (с греч. αντί – «вместо»), предлагающей иной путь социального восхождения и реализации.

Группа III – системные кадры. Это индивиды, начавшие карьеру непосредственно в государственных структурах вскоре после получения высшего образования, без опыта работы вне политической системы. Их социальная мобильность полностью локализована в институтах власти. Идентификация, габитус и специфические компетенции изначально формируются в контексте политико-административной системы. У них высокая институциональная адаптивность, понимание внутрисистемных правил и процедур, сильная ориентация на карьерные лестницы внутри бюрократии. Государственное управление для них является исходной и *базовой профессией*, так как они пришли в систему сразу после окончания вуза и не имели иного опыта.

Группа IV – политические совместители.

Эта группа характеризуется гибридной моделью профессиональной идентичности. К ним мы относим депутатов регионального и муниципального уровня, мандат которых сопряжен с безотрывным продолжением основной деятельности. В подавляющем большинстве случаев это крупные региональные предприниматели. В отличие от других траекторий, политическая деятельность для этих акторов не является ни новым пространством после достижения профессионального пика (мета-профессия), ни альтернативным каналом мобильности (анти-профессия), ни основной специализацией (базовая профессия). Для них политическая карьера – это *квази-профессия* (с лат. quasi – «якобы», «как будто»). Они формируют модель совмещения, где депутатский мандат институционально дополняет и усиливает их первичную экономическую деятельность. Их профессиональная колея не прерывается и не завершается. Ключевой особенностью становится размывание границ между полями: экономический капитал напрямую конвертируется во властное влияние, а политический статус – в экономические преимущества, формируя самовоспроизводящийся цикл. Однако эта модель несет в себе значительные риски институционального характера, прежде всего – хронический конфликт интересов и эрозию общественного доверия, поскольку публичные функции де-факто подчинены частным коммерческим целям. Таким образом, «квази-профессионалы» воплощают устойчивый симбиоз политической и экономической власти, что особенно характерно для регионального уровня управления.

По данным нашего исследования, предшествующий профессиональный опыт работы вне структур власти характерен для 78,1% анализируемой выборки политиков. **Группы I и II** представлены практически поровну (39,0% и 39,1% соответственно), что указывает на значимость этих путей рекрутирования «внешних» для политической системы кадров. **Группа I** – «профессиональные эксперты» в основном преобладают в федеральном и региональных парламентах (до ~50%). Объяснение этому лежит не столько в большей востребованности узкого профессионализма в законодательной работе, сколько в различии источников легитимности и механизмов рекрутинга между ветвями власти. Позиция парламентария обретается через электоральный процесс. Индивиды **Группы I** обладают значительным электоральным капиталом: общественной узнаваемостью, позитивной репутацией, сформированной в рамках их профессиональных достижений. Политические партии, рационально максимизируя свои шансы на победу, активно конвертируют символический капитал профессиональных лидеров в электоральную поддержку. Профессиональный габитус таких политиков выполняет важную легитимирующую функцию. Общество воспринимает их не только как политиков, но и как признанных экспертов в своей исходной сфере, что усиливает доверие к их компетентности в профильных вопросах, рассматриваемых в соответствующих комитетах. Этот процесс взаимовыгоден: партия получает влиятельного депутата, а эксперт обретает новую сферу влияния после исчерпания карьерных возможностей в профессии.

В исполнительной ветви доминирует иерархическая (бюрократическая) модель. Источник власти – делегирование полномочий сверху вниз в рамках строгой субординации. Назначение на должность носит преимущественно закрытый, внутрисистемный характер, а оценка компетенций формализована. Публичность и внешняя легитимность, основанная на прошлых профессиональных заслугах, не являются императивом. Наши эмпирические данные выявляют существующий тренд на увеличение удельного веса **Группы III** – «системных кадров» – в органах исполнительной ветви власти. Так, например, они составляют 23,4% среди всех изученных чиновников на федеральном уровне. Это свидетельствует о двух взаимосвязанных процессах:

1. институционализация системы подготовки кадров. В России сформировалась развитая инфраструктура для отбора и подготовки государственных служащих практически «с нуля», в частности благодаря системе кадровых резервов [23; 24]. Это позволяет воспроизводить управленческие кадры без необходимости их рекрутирования извне. Государство как работодатель демонстрирует растущую заинтересованность

в чиновниках, чей профессиональный габитус и карьерная траектория целиком сформированы внутри политико-административной системы. Такие кадры обладают универсальными управленческими компетенциями, глубоким знанием формальных и неформальных правил системы, обширными внутриаппаратными связями. Они демонстрируют высокую адаптивность к различным постам в исполнительной вертикали (от губернаторства до министерства, от сферы науки до промышленности и т. д.), будучи «профессиональными управленцами»;

2. возрастающая доля **Группы III** в исполнительных органах, особенно на верхних этажах власти, актуализирует проблему публичной легитимности. Общество, как правило, скептически относится к профессионализму чиновников, не имеющих опыта практической работы в той отрасли, которой они управляют. Этот скепсис возникает независимо от уровня их управленческих компетенций или теоретических знаний. Формируется диссонанс между бюрократической (системной) легитимностью и легитимностью, основанной на признании экспертного опыта в релевантной сфере. Данное противоречие представляет собой значительный вызов для устойчивости системы, выраженный в недостаточности общественного признания управленческих решений, принимаемых такими кадрами.

Анализ профессионального состава политического класса требует рассмотрения как исторических закономерностей, так и специфики современных траекторий социальной мобильности. Российская политическая система демонстрирует уникальную профессиональную структуру. Если для стран запада было свойственно преобладание в политике людей с юридическим или экономическим образованием и соответствующим профессиональным бэкграундом, то ключевым историческим феноменом для России является доминирование *инженерно-технических специальностей*, уходящее корнями в советскую эпоху форсированной индустриализации. Наши данные прошлых лет иллюстрируют пик этого явления, например, в 1990 г. инженеры составляли 39,6% депутатов Верховного Совета РСФСР [25, с. 62].

Инженеры (16,8%). Настоящее исследование фиксирует устойчивое, но значимо снижающееся присутствие этой группы (16,8% от всей изученной совокупности), подверженное сильной возрастной градации: 31,6% среди родившихся в 50–60-е гг., 15,8% – среди когорты 70-ников, 13,4% – среди пополнения элиты из рожденных после 1980 г. Это подтверждает тезис о наследии советской мобилизационной модели, постепенно уступающей место иным профессиональным траекториям. Инженеры доминируют на муниципальном (36,0%) и региональном (18,0%) уровнях, где востребованы практические навыки управления

инфраструктурой, ЖКХ, территориальным развитием. Однако их доля резко падает на федеральном уровне (8,7%), что указывает на структурный «потолок» для данной траектории. Федеральная власть требует иных форм капитализации (административной, политической, сетевой), менее связанных с инженерной экспертизой.

Экономисты (14,1%). Их концентрация наиболее высока на федеральном уровне власти (17,7%), особенно в исполнительных органах (20,7%), что отражает приоритет макроэкономического управления. Однако их восхождение часто связано не только с компетенциями, но и с институциональным патронажем. Выходцы из системообразующих финансовых структур («организаций-драйверов»: Сбербанк, ВТБ и др.) получают своеобразный «кредит доверия», выраженный в ресурсах и связях и обеспечивающий прерывистую мобильность во власть. Эта тенденция может создавать риски патрон-клиентских отношений и потенциального конфликта интересов. Государство, таким образом, рекрутирует не столько «чистых» экономистов, сколько носителей специфического капитала, накопленного в ключевых финансовых институтах.

Предприниматели (11,9%). Эта группа представляет относительно новый канал рекрутинга, легализованный лишь с конца 1980-х. Их ареал – преимущественно региональные legislatures (23,8%). Их мотивация носит комплексный характер: лоббирование интересов, престиж, статусная самореализация. Можно предположить, что возможность совмещения мандата с бизнесом институционализирует плутократический элемент, формируя квази-профессиональную политическую идентичность. Их траектория – это гибридная модель, стирающая границы между экономическим и политическим полем.

Педагоги (9,8%). Их равномерное распределение по уровням власти обосновано гендерной спецификой каналов профессиональной мобильности. Для женщин сфера образования является основным социальным лифтом в политику (22,2% женщин были инкорпорированы во власть из системы образования, мужчин лишь 7,4%). Это отражает сохраняющуюся гендерную сегрегацию в политическом рекрутинге, канализующую представительниц «слабого пола» в сферы, традиционно ассоциируемые с «женскими» компетенциями, например, социальная политика, образование и семья, как обоснованно указывает Н. А. Юшкина [26].

Представители силовых структур (8,1%). Их равномерное присутствие во всех ветвях и на всех уровнях власти подчеркивает особую роль функции контроля и надзора в современном управлении. Профессионализация в иерархических,

закрытых структурах формирует специфический консервативно-охранительный габитус. Их интеграция во власть, особенно в экономический и социальный блоки, свидетельствует о приоритете управленческой надежности и лояльности системе, часто в ущерб отраслевой экспертизе. Они выступают как стабилизирующий элемент, балансирующий иные группы.

Юристы (7,1%). Во многих зарубежных, в особенности западных, странах юристы рассматриваются как фундаментальная основа истэблишмента. Так, например, в США в середине XIX века их доля среди конгрессменов достигала 80% и остается значимой и сегодня⁹. Однако в российской политической практике их роль оказывается заметно скромнее: их общая доля достигает лишь 7,1%. Наибольшая их концентрация в федеральной бюрократии – 11,7%, при этом в законодательных органах доля профессиональных правоведов на федеральном уровне – 7,7%, а в региональных парламентах – 5,3%. Таким образом, экономистов в российской политической системе в два раза больше, чем юристов. Можно предположить, что важность людей, умеющих составлять бюджет, контролировать исполнение и управлять финансовыми потоками, в данный момент превосходит значение тех, кто формулирует и закрепляет правила игры.

«Аппаратчики» (5,9%). В структуре политической элиты России выделяется особая значимая профессиональная группа – «аппаратчики», под которыми мы понимаем сотрудников секретариатов и аппаратов федеральных органов власти, парламентов и политических партий. Эти люди выполняют ключевые функции обеспечения непрерывного функционирования государственной машины: они являются помощниками руководителей, заведуют рабочими группами и внутренними департаментами, отвечающими за административное сопровождение государственного управления и обеспечение преемственности при смене политических мандатов. Важной характеристикой аппаратчиков является отсутствие строгой профессиональной специализации: их формальное образование может варьироваться, однако обязательным условием становления их социальной идентичности является длительный опыт работы в глубинах бюрократических структур. Результаты нашего эмпирического исследования подтверждают значимость этой группы: аппаратчики составляют 5,9% среди представителей правящей элиты, причем их концентрация особенно высока в Федеральном собрании России – 14,8%. Эта статистика, на первый взгляд, может показаться парадоксальной, поскольку парламент традиционно ассоциируется с ареной для харизматичных и публично выразительных личностей, обладающих

⁹ Robinson N. The Decline of the Lawyer Politician // Buffalo Law Review. 2017. Vol. 65, № 4. Pp. 657–737. – URL: <https://digitalcommons.law.buffalo.edu/buffalolawreview/vol65/iss4/1/> (дата обращения: 23.08.2025).

склонностью к лидерству и стремящихся к широкой известности. Работа в аппаратах же, напротив, требует скромности, анонимности и отказа от публичного авторства: аппаратчики подготавливают документы и решения для лидеров, не заявляя о себе напрямую. Но в данном случае работает иной механизм продвижения. Предоставляя постоянную поддержку руководству, обеспечивая выполнение ежедневной рутины, аппаратчики фактически сливаются с властью, что обуславливает глубокую степень взаимного доверия и признания. Эти неформальные активы нередко вознаграждаются, в том числе через включение в политическую элиту – например, содействие в получении депутатского мандата или высокого административного поста.

Врачи (3,5%). Еще одной значимой профессиональной группой для власти являются врачи, составляющие около 3,5% истеблишмента. Их основное присутствие зафиксировано в региональных администрациях (6,9%) и в федеральном парламенте (4,5%). В эту категорию входят влиятельные руководители крупных медицинских учреждений, чье общественное доверие обеспечивает им авторитет, который представители власти конвертируют в рамках собственных интересов. Кроме того, врачи обладают и утилитарной полезностью для руководства, которая выражается во включении таких специалистов в перечень «нужных людей», нередко с последующей инкорпорацией в «тело государства».

Журналисты (2,8%). Журналисты являются практически единственной профессиональной категорией, получившей значительное увеличение влияния в последние годы. В политической элите они представлены не только «золотыми перьями» как таковыми, но и лицами, которые администрируют крупные медиа или выступают спичрайтерами и авторами речей для первых лиц. В рамках современного российского контекста их представленность в структуре власти составляет 2,8%, однако особенно заметно увеличение их влияния в парламенте – 9,7% мест в обеих палатах Федерального собрания РФ занимают журналисты. Это иллюстрирует образовавшуюся в последнее время тесную связь между средствами массовой информации и политическим пространством и подчеркивает актуальную роль медиаинфраструктуры как инструмента политической легитимации и мобилизации.

Таким образом, профессиональный бэкграунд российского политика – это не просто предыстория, а ключевой маркер, определяющий его позицию в структуре власти, потенциал мобильности и функциональную роль, формируя сложную мозаику современной российской элиты, где советское инженерное ядро постепенно замещается «системными» бюрократами в рамках производства новых моделей управления.

■ ОБСУЖДЕНИЕ

Политика как сфера профессиональной деятельности представляет собой сложный институциональный ландшафт, рекрутирующий агентов с разнородными траекториями и из разных социальных бассейнов. На основе эмпирических данных можно выделить следующие идеально-типические модели профессиональной идентичности в политике, каждая из которых порождает специфические формы капитала и легитимности.

Политика как «мета-профессия» (постпрофессиональная траектория). Агенты, достигшие вершины в исходной профессиональной сфере, имеют высокую экспертность, сформированный габитус, устойчивую репутацию. Источник их легитимности основан на общественном признании профессиональных заслуг и компетенций в конкретной отрасли. Их статус в политике произведен от статуса в исходном поле. Существенную часть этой группы составляют врачи, педагоги, а также часть инженеров, которые конвертируют общественное доверие и профессиональную известность в политическую поддержку, присовокупляемую к более широкому политическим группам. Положительный эффект их присутствия – высокая отраслевая компетентность и профессиональный опыт, одобряемый общественным мнением, признающим правомерность их статуса и личные заслуги. Однако при переходе на более высокие этажи власти, требующие универсального управленческого профиля, их узкая специализация может становиться ограничением.

Политика как «анти-профессия» (альтернативная траектория). Агенты прерывают свою восходящую мобильность в исходной профессии. Политика становится альтернативным каналом социального продвижения, часто опосредованным связями с «организациями-драйверами» – крупными корпорациями, госбанками, холдингами. В эту модель вписывается значительная часть экономистов, юристов и аппаратчиков, которые еще не достигли статусного максимума в своей первичной профессии, но интегрированы во власть во многом благодаря патронажу. Их легитимность имеет институциональный характер. Их позиция обусловлена не столько уникальными компетенциями, сколько расположением со стороны продвигающей структуры и способностью к быстрой адаптации к нормам политического поля. Но это делает их позиции более уязвимыми перед кризисами как общественного доверия, так и благожелательности со стороны руководства.

Политика как «квази-профессия» (гибридная траектория). Характерна для региональных депутатов-совместителей, в первую очередь представляющих крупный местный бизнес. Их политическая деятельность не заменяет, а дополняет основную профессию. Статус депутата становится ресурсом для усиления позиций в экономическом

поле, и одновременно с этим успехи в бизнесе определяют устойчивость в политическом пространстве. Их легитимность строится на экономической значимости агента в регионе, где он является важным работодателем и налогоплательщиком. При таком симбиозе происходит размывание границ между экономическим и политическим полем.

Политика как базовая профессия (системная траектория). Агенты начинают карьеру непосредственно в госструктурах, это – «карьерные бюрократы». Их профессиональная социализация и габитус целиком формируются внутри политико-административной системы. Легитимность проистекает из владения формальными правилами системы, процедурными знаниями, лояльностью иерархии в целом. Они – «профессиональные управленцы» с универсальным, но часто оторванным от отраслевой практики габитусом.

Данные исследования демонстрируют заметный структурный сдвиг профессионального состава российской политической элиты по сравнению с позднесоветским наследием: инженеры сохраняют значимое, но сокращающееся присутствие, сконцентрированное преимущественно на муниципальном и региональном уровнях, ставших потолком их политической карьеры. Одновременно с этим значительно наращивают свои позиции экономисты, что отражает приоритет финансово-экономического управления в государственной политике. Высокая доля среди них выходцев из крупных госбанков и корпораций свидетельствует о высокой значимости сегодня институциональных и патрональных сетей для продвижения. Силовой корпус представлен равномерно на всех уровнях и ветвях власти и выступает гарантом управленческой устойчивости. Однако его охранительно-иерархический габитус может конфликтовать с задачами модернизации и отраслевых реформ. Юристы в российском контексте, в отличие от многих зарубежных стран, не составляют доминирующей группы элиты, что отражает смещение приоритета от правотворчества к экономико-административному управлению. Аппаратчики представляют особый механизм воспроизводства элиты через «невидимую карьеру» внутри бюрократии, обладая сильной системной адаптивностью, но низкой публичной легитимностью. Усиливается взаимопроникновение между политическим и информационным пространствами. Увеличение доли журналистов в органах власти свидетельствует о значимости медиакомпетенций в современных реалиях, важных для легитимации власти и конструирования социальной реальности для широких общественных масс.

В результате сложившаяся профессиональная конфигурация порождает двойственный

эффект: с одной стороны, централизация экономико-административных компетенций повышает управляемость и координацию политики, с другой – усиливает зависимость кадровых траекторий от сетевых и институциональных привилегий и создает риски делегитимации в глазах общества, особенно при росте закрытых кадровых практик.

Развитая за последние годы система поиска, отбора, рекрутинга и подготовки свидетельствует о высокой степени институционализации механизмов формирования политической элиты в России, что обуславливает повышение доли в органах власти «карьерных бюрократов». С одной стороны, это обеспечивает системную автономию, операциональную эффективность – быструю ротацию и стандартизацию компетенций, подготовку универсальных специалистов, адаптивных к разным сферам управления. Однако возникает противоречие: общественная легитимность выше у людей, для которых государственная служба и публичная политика – это «мета-профессия». Их траектория прозрачна, референтна и повторима. Таким образом, институциональное развитие системы госуправления, обеспечивая ее эффективность и устойчивость, одновременно обостряет проблему делегитимации из-за растущей доли кадров, чья компетентность и мотивация непрозрачны или не основаны на признанном общественном достижении.

В последние годы одной из ключевых стратегий легитимации правящего класса в России стало активное включение в политическую систему участников специальной военной операции. Этот курс свидетельствует о смещении акцента с сугубо профессионально-технических навыков на морально-этические характеристики: патриотизм, готовность к самопожертвованию и личная ответственность за судьбу государства становятся главными маркерами для отбора в элиту. «Подлинная, настоящая элита – это все, кто служит России, труженики и воины, надежные, проверенные, делом доказавшие свою преданность России, достойные люди»¹⁰. Этот факт может свидетельствовать о становлении пятой модели вхождения в политику, в которой профессиональный опыт и компетенции уступают в значимости моральным и духовным качествам, ценности «служения». Однако на момент написания статьи эмпирических данных недостаточно, чтобы говорить о месте этой траектории в современном элитогенезе и её роли в трансформации общественного мнения.

Политика как профессиональное поле полиморфна. Ее нельзя свести к единой категории, так как она включает принципиально разные типы агентов с уникальными траекториями вхождения, источниками капитала и легитимности. Для обеспечения устойчивости политической системы

¹⁰ Президент РФ В. В. Путин в Послании к Федеральному Собранию РФ 2024 г. // Российская газета. – URL: <https://rg.ru/2024/02/29/putin-nastoiashchaia-elita-eto-vse-kto-sluzhit-rossii-truzheniki-i-voiny.html> (дата обращения: 15.10.2025).

необходима дальнейшая разработка механизмов преодоления легитимационного разрыва. Политика остается полем, где рациональность институтов постоянно испытывается иррациональностью общественного восприятия. Следовательно, для повышения качества государственного управления и устойчивости политической системы требуется сочетание мер – усиление прозрачности отбора и верификации профессиональных навыков, ограничение практик совмещения коммерческих и публичных функций, стимулирование

межпрофессиональной мобильности и ротации, а также развитие институтов, обеспечивающих участие признанных отраслевых экспертов в формировании и реализации политических решений. Это позволит сбалансировать системную эффективность с необходимостью общественной легитимации. Выстраивание сбалансированной кадровой политики, учитывающей разнотипность профессиональных габитусов, становится ключом к гармонизации эффективности управления и легитимности власти.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Weeden K. A., Grusky D. B. The case for a new class map // *American Journal of Sociology*. 2005. Vol. 111, No. 1. Pp. 141–212. DOI 10.1086/428815.
- Ильин В. И. Профессия как индивидуальная жизненная колея: концептуализация категории // *Журнал исследований социальной политики*. 2015. Т. 13, № 4. С. 515–528. EDN VSDVHT.
- Витковская Т. Б. Представительная власть в российских муниципалитетах: состав депутатского корпуса // *Власть и элиты*. 2024. Т. 11, № 3. С. 100–117. DOI 10.31119/pe.2024.11.3.4. EDN OJDXHE.
- Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М.: Политическая энциклопедия, 2006. 446 с. EDN QOFXIN.
- Понеделков А. В., Старостин А. М. Современные российские элиты: особенности генезиса, взаимодействия и позиционирования во власти // *Политическая наука*. 2004. № 1. С. 138–159. EDN FPAQLH.
- Тев Д. Б. Высокопоставленные чиновники министерств социального блока российского правительства: каналы рекрутирования и карьера // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2024. Т. 24, № 2. С. 493–509. DOI 10.22363/2313-2272-2024-24-2-493-509. EDN SAJIFL.
- Тев Д. Б. Федеральная административная элита России: особенности воспроизводства карьерных характеристик // *Социологическая наука и социальная практика*. 2025. Т. 13, № 2. С. 67–89. DOI 10.19181/snsp.2025.13.2.4. EDN SXCXJP.
- Тев Д. Б. Депутаты Государственной Думы РФ VI созыва: социально-профессиональные источники рекрутирования // *Экономическая социология*. 2017. Т. 18, № 5. С. 52–86. DOI 10.17323/1726-3247-2017-5-52-86. EDN YQAQGY.
- Тев Д. Б. Члены Совета Федерации: карьера до вхождения в должность и после прекращения полномочий // *Мир России. Социология. Этнология*. 2021. Т. 30, № 4. С. 53–78. DOI 10.17323/1811-038X-2021-30-4-53-78. EDN WCZZCP.
- Тев Д. Б. Региональная административная элита: социально-профессиональные источники рекрутирования и карьера // *Власть и элиты*. 2022. Т. 9, № 2. С. 146–171. DOI 10.31119/pe.2022.9.2.6. EDN RXYACU.
- Тев Д. Б. Каналы рекрутирования мэров столиц субъектов Российской Федерации // *Социологические исследования*. 2025. № 1. С. 113–124. DOI 10.31857/S0132162525010106. EDN LMCJQN.
- Палитай И. С. Молодое поколение российской политической элиты: статусно-ролевые и личностные характеристики // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 5. С. 90–100. DOI 10.17976/jpps/2020.05.07. EDN ITOWZB.
- Палитай И. С. Российская политическая элита: текущее состояние и динамика основных показателей (на материалах исследований 2011–2021 гг.) // *Полис. Политические исследования*. 2022. № 4. С. 148–160. DOI 10.17976/jpps/2022.04.12. EDN TXOUMJ.
- Быстрова А. С. Региональные различия в карьерных траекториях представителей региональной политической элиты Российской Федерации // *Власть и элиты*. 2023. Т. 10, № 1. С. 98–138. DOI 10.31119/pe.2023.10.1.4. EDN VTBGFP.
- Быстрова А. С. Губернаторы и члены региональных правительств: карьерные траектории высших представителей исполнительной власти субъектов Российской Федерации // *Власть и элиты*. 2024. Т. 11, № 4. С. 45–100. DOI 10.31119/pe.2024.11.4.3. EDN MKJFKG.
- Козлова Н. Н., Скаковская Л. Н., Рассадин С. В. Молодежный сегмент депутатского корпуса региональных legislatures РФ: социально-профессиональные характеристики, источники рекрутирования, карьерные траектории // *Полис. Политические исследования*. 2023. № 1. С. 114–129. DOI 10.17976/jpps/2023.01.09. EDN LCQJDP.
- Huskey E. Elite recruitment and state-society relations in technocratic authoritarian regimes: The Russian case // *Communist and Post-Communist Studies*. 2010. Vol. 43, № 4. Pp. 363–372. DOI 10.1016/j.postcomstud.2010.10.004.

18. Rutland P. The political elite in post-Soviet Russia // *The Palgrave handbook of political elites*. London: Palgrave Macmillan. 2018. Pp. 273–294. DOI 10.1057/978-1-137-51904-7_19.
19. Renz B. Putin's militocracy? An alternative interpretation of siloviki in contemporary Russian politics // *Europe-Asia Studies*. 2006. Vol. 58, № 6. Pp. 903–924. DOI 10.1080/09668130600831134.
20. Bremmer I., Charap S. The siloviki in Putin's Russia: Who they are and what they want // *The Washington Quarterly*. 2007. Vol. 30, № 1. Pp. 83–92. DOI 10.1162/wash.2006-07.30.1.83.
21. Rivera D. W., Rivera S. W. Is Russia a militocracy? Conceptual issues and extant findings regarding elite militarization // *Post-Soviet Affairs*. 2014. Vol. 30, № 1. Pp. 27–50. DOI 10.1080/1060586X.2013.819681.
22. Taylor B.D. The Russian siloviki & political change // *Daedalus*. 2017. Vol. 146, № 2. Pp. 53–63. DOI 10.1162/DAED_a_00434.
23. Комиссаров А. Г., Шебураков И. Б. Кадровые резервы в системе государственного управления: опыт и новые смыслы // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2024. № 1. С. 7–38. DOI 10.17323/1999-5431-2024-0-1-7-38. EDN CNIIEGH.
24. Борщевский Г. А. Федеральный резерв госслужбы как завершающий элемент кадровой вертикали // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2024. № 2. С. 7–40. DOI 10.17323/1999-5431-2024-0-2-7-40. EDN DBEWPR.
25. Крыштановская О. В. *Анатомия российской элиты*. М.: Захаров, 2005. 381 с. EDN QODLCN.
26. Юшкина Н. А. Профессиональные лифты в политическую элиту России // *Цифровая социология*. 2020. Т. 3, № 4. С. 25–35. DOI 10.26425/2658-347X-2020-3-4-25-35. EDN CPCYOA.

REFERENCES

1. Weeden, K. A., Grusky, D. B. (2005) The case for a new class map. *American Journal of Sociology*, 111 (1), pp. 141–212. <https://doi.org/10.1086/428815>.
2. Ilyin, V.I. (2015) Profession as an Individual Life Trajectory: Conceptualizing the Category. *Zhurnal issledovaniï sotsial'noi politiki [The Journal of Social Policy Studies]*, 13 (4), pp. 515–528. <https://elibrary.ru/vsdbht>.
3. Vitkovskaya, T. B. (2024). Representative authority in Russian municipalities: composition of the deputy corpus. *Power and Elites*, 11 (3), pp. 100–117. <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.3.4>. <https://elibrary.ru/ojdxhe>.
4. Gaman-Golutvina, O. V. (2006), *Political Elites of Russia: Milestones of Historical Evolution*. Moscow, Political Encyclopedia Publishing House, 446 p. <https://elibrary.ru/qofxin>.
5. Ponedelkov, A. V., Starostin, A. M. (2004), Contemporary Russian Elites: Features of Genesis, Interaction, and Positioning in Power. *Political Science*, (1), pp. 138–159. <https://elibrary.ru/fpaqlh>.
6. Tev, D. B. (2024), High-ranking officials of Russia's social ministries: recruitment channels and careers. *RUDN Journal of Sociology*, 24 (2), pp. 493–509. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-2-493-509>. <https://elibrary.ru/sajifl>.
7. Tev, D. B. (2025) Federal administrative elite of Russia: features of reproduction of career characteristics. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, 13 (2), pp. 67–89. <https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.2.4>. <https://elibrary.ru/sxcxjp>.
8. Tev, D. B. (2017) Deputies of the state дума of the vi convocation: social-professional sources of recruitment. *Economic Sociology*, 18 (5), pp. 52–86. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2017-5-52-86>. <https://elibrary.ru/yqaggy>.
9. Tev, D. B. (2021) Members of the federation council: careers before taking office and after resigning. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, 30 (4), pp. 53–78. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-4-53-78>. <https://elibrary.ru/wczczp>.
10. Tev, D. B. (2022) Regional administrative elite: socio-professional sources of recruitment and careers. *Vlast' i elity = Power and elites*, 9 (2), pp. 146–171. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.6>. <https://elibrary.ru/rxyacy>.
11. Tev, D. B. (2025) Heads of administrations of the subjects of the Russian Federation capitals: recruitment channels. *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, (1), pp. 113–124. <https://doi.org/10.31857/S0132162525010106>. <https://elibrary.ru/lmcjqn>.
12. Palitai, I. S. (2020) The young generation of the Russian political elite: status and personal characteristics. *Polis. Political Studies*, (5), pp. 90–100. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.07>. <https://elibrary.ru/itowzb>.
13. Palitai, I. S. (2022) The Russian political elite: characteristics and dynamics (based on research materials dating from 2011 to 2021). *Polis. Political Studies*, (4), pp. 148–160. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.12>. <https://elibrary.ru/txoymj>.
14. Bystrova, A. S. (2023) Regional differences in the career trajectories of representatives of the regional political elite of the Russian Federation. *Vlast' i elity [Power and Elites]*, 10 (1), pp. 98–138. <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.4>. <https://elibrary.ru/vtbgfp>.
15. Bystrova, A. S. (2024) Governors and members of regional governments: career paths of

- senior executive officials of the Russian Federation subjects. *Vlast' i elity = Power and elites*, 11 (4), pp. 45–100. <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.4.3>. <https://elibrary.ru/mkjfkq>.
16. Kozlova, N. N., Skakovskaya, L. N., Rassadin, S. V. (2023) Youth segment of the deputy corps of regional legislatures of the Russian Federation: socio-professional characteristics, recruitment sources, career trajectories. *Polis. Political Studies*, (1), pp. 114–129. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.09>. <https://elibrary.ru/lcqjdp>.
17. Huskey, E. (2010) Elite recruitment and state-society relations in technocratic authoritarian regimes: The Russian case. *Communist and Post-Communist Studies*, 43 (4), pp. 363–372. <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2010.10.004>.
18. Rutland, P. (2018) The political elite in post-Soviet Russia. *The Palgrave handbook of political elites*, Palgrave Macmillan, London, UK, pp. 273–294. https://doi.org/10.1057/978-1-137-51904-7_19.
19. Renz, B. (2006) Putin's militocracy? An alternative interpretation of siloviki in contemporary Russian politics. *Europe-Asia Studies*, 58 (6), pp. 903–924. <https://doi.org/10.1080/09668130600831134>.
20. Bremmer, I., Charap, S. (2007) The siloviki in Putin's Russia: Who they are and what they want. *Washington Quarterly*, 30 (1), pp. 83–92. <https://doi.org/10.1162/wash.2006-07.30.1.83>.
21. Rivera, D. W., Rivera, S. W. (2014) Is Russia a militocracy? Conceptual issues and extant findings regarding elite militarization. *Post-Soviet Affairs*, 30 (1), pp. 27–50. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2013.819681>.
22. Taylor, B. D. (2017) The Russian Siloviki & Political Change. *Daedalus*, 146 (2), pp. 53–63. https://doi.org/10.1162/DAED_a_00434.
23. Komissarov, A. G., Sheburakov, I. B. (2024) Personnel reserves in the public administration system: Experience and new meanings. *Public Administration Issues*, (1), pp. 7–38. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2024-0-1-7-38>. <https://elibrary.ru/cniegh>.
24. Borshchevsky, G. A. (2024) Federal personnel reserve of civil service as the closing element of the cadre vertical. *Public Administration Issues*, (2), pp. 7–40. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2024-0-2-7-40>. <https://elibrary.ru/dbewpr>.
25. Kryshchanovskaya, O. V. (2005) *Anatomy of the Russian Elite*. Moscow, Zakharov, 381 p. <https://elibrary.ru/qodlcn>.
26. Yushkina, N. A. (2020) Professional elevators to the Russian political elite. *Digital Sociology*, 3 (4), pp. 25–35. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2020-3-4-25-35>. <https://elibrary.ru/cpsyoa>.